

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

**на диссертацию Старшинова Александра Сергеевича на тему:
«Южнокорейская «молодёжная культура» в контексте государственной
политики периода Юсин (1972–1979 гг.)», представленную к защите на
соискание учёной степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.2. – Всеобщая история**

Диссертационное исследование, проведённое Старшиновым А.С., посвящено анализу малоизученного в российском корееведении аспекта истории Республики Корея – исследованию молодёжной культуры периода Юсин (1972-1979 гг.) в контексте государственной политики.

В работе автор демонстрирует не столько взаимосвязь между государственной политикой режима Пак Чон Хи и формированием молодёжной культуры, сколько их последовательное развитие и противостояние, приводит детальную реконструкцию государственной культурной политики периода Юсин (1972-1979 гг.), даёт авторскую периодизацию развития «молодёжной культуры» (1968–72 / 1973–75 / 1976–79 гг.).

Старшинов А.С. показывает, как в начале рассматриваемого периода молодёжная культура и государственная политика некоторое время сосуществовали параллельно, но по мере усиления авторитарного контроля государство начало рассматривать субкультуру молодого поколения как угрозу общественному порядку и идеологической целостности режима. В работе обосновывается важный вывод о двойственности модернизации: государство создаёт условия для возникновения альтернативных практик, которые затем пытается подавить. Автор подробно анализирует, как государственная политика модернизации, изначально допуская определённую степень культурного разнообразия, постепенно перешла к активному подавлению проявлений молодёжной культуры, рассматривая отдельные её элементы как "упаднические тенденции", противоречащие официальным установкам. В частности, работа раскрывает, как государство, требовавшее от молодёжи "активного участия в ходе

общественной мобилизации и принятия официальных ценностей", в ответ на распространение молодёжной культуры инициировало масштабную кампанию по искоренению отдельных её проявлений, включавшую цензуру, нагнетание моральной паники и репрессивные меры, что в конечном итоге привело к упадку этого феномена ко второй половине 1970-х годов.

Работа Старшинова А.С. вносит важный вклад в развитие российского корееведения, расширяя теоретические и эмпирические рамки исследований в области культурологии и социально-политической истории Южной Кореи, способствует более глубокому пониманию сложных процессов взаимодействия государства и общества в условиях авторитарного режима, что имеет актуальное значение для современных исследований политических и культурных трансформаций в различных странах.

Автор осуществил всесторонний анализ имеющихся научных трудов не только западной академической мысли, но и южнокорейских учёных, уделив особое внимание работе Хан Вансана "Современное общество и молодёжная культура" (1973). Данная публикация, по мнению автора, является наиболее значимым и часто цитируемым исследованием, посвящённым южнокорейской "молодёжной культуре" 1970-х годов. Автор также показывает эволюцию дискуссий, связанных с данной темой, включая рассмотрение противоположных точек зрения, представленных в работах Нам Чжэхи и Ким Бёнъика.

В исследовании была проанализирована эволюция понятия «молодёжная культура» в южнокорейском социуме с акцентом на ключевые этапы её формирования. Автор продемонстрировал трансформацию понятия молодёжной культуры от первоначального восприятия ее как импортированного западного феномена до признания её как уникального корейского явления. Особое внимание было уделено анализу того, как молодёжная культура способствовала развитию горизонтальных моделей

социального и культурного взаимодействия, что контрастировало с традиционной авторитарной логикой вертикальной власти.

В рамках проведённого исследования особое внимание было уделено анализу дискурса о молодёжной культуре 1970-х годов, предпринята попытка реконструкции процесса формирования общественного восприятия данного феномена. В частности, был проведён детальный анализ дебатов 1974 года, которые, по мнению автора, определяли динамику дискуссий вокруг указанного явления. Для иллюстрации данного тезиса в работе приводятся отдельные газетные публикации, демонстрирующие, как «начинает закрепляться устойчивая цепочка смыслов, связывающая «фолк-музыку», «стиль хиппи», например, длинные волосы и «неряшливую одежду» с «обликом маргиналов»».

Работа написана хорошим, ясным языком и легко читается, что выгодно отличает её от многих академических трудов. Несомненным достоинством диссертации является то, что она представляет большой интерес не только для узких специалистов-корееведов, но и для широкой аудитории, интересующейся культурной историей Восточной Азии. На фоне растущей в последние годы популярности современной корейской культуры данное исследование станет отличным подспорьем для всех, кто стремится углубиться в её истоки и историю, понять её корни и эволюцию в контексте сложных социально-политических процессов.

Несмотря на очевидные достоинства, данная работа не лишена определённых недостатков, прежде всего в своей теоретико-методологической части. Методология, заявленная автором, не находит последовательного отражения в аналитической работе, что нарушает концептуальную целостность исследования. В частности, автор фактически смешивает класс как объективную позицию в системе производства и классовое сознание как субъективную идентичность. Даже если корейская молодёжь 1970-х годов не осознавала себя в качестве класса и не обладала сформированными «классовыми традициями», её доступ к ключевым

ресурсам (свободное время, деньги на джинсы, пластинки, посещение кафе и т.п.) определялся именно классовым положением семьи. Автор сам признаёт, что «...класс рассматривается как ключевой индикатор существовавшего в тот период социального неравенства» (с. 54), однако этот тезис остаётся декларативным и не получает систематического развития в аналитических главах.

Показательно, что автор фиксирует зарождение «молодёжной культуры» в студенческой среде, но не задаётся вопросом, почему именно эта среда стала её инкубатором. Ответ напрямую связан с материальными условиями: доступ к высшему образованию, наличие карманных денег, свободное от производительного труда время, географическая концентрация в Сеуле и доступ к западной культуре через знание иностранных языков. Всё это — измерения классового положения, а не просто «поколенческого опыта». Субкультура, таким образом, зародилась не в вакууме поколений, а в среде относительно обеспеченной части молодёжи, что составляет классовый аспект её генезиса. Автор фиксирует эту эмпирическую данность, но отказывается теоретически её осмысливать, предпочитая оставаться в рамках теории поколений и их секций, что приводит автора к частому использованию размытого термина «средние слои».

В то же время по ходу анализа, избранная автором теория поколений не в полной мере работает как дифференцирующий инструмент. Он не демонстрирует, каким образом «поколенческий опыт» объясняет очевидные различия внутри самой молодёжной культуры — почему одни студенты становились фолк-музыкантами, другие — политическими активистами, а третьи — аполитичными потребителями. Сам автор, опираясь на теорию поколений Мангейма, справедливо цитирует его тезис о том, что поколения «состоят из разных «подразделений» или «секций»... однако каждая секция несёт в себе определённые типические черты, которые относятся к поколению» (с. 46). Прочитав это, он, однако, не делает следующего

шага и не спрашивает: не являются ли эти «секции» внутри поколения именно классовыми, политическими или статусными группами? Разве «минчжун-активисты» и завсегдатаи «гоу-гоу» клубов — это не разные «секции», сформированные разным классовым опытом и доступом к ресурсам? Автор подходит к самому краю этого вывода, но в последний момент отступает, предпочитая описывать все различия как «поколенческие». Отсюда проистекает и наиболее спорный вывод автора (с. 45): «...общность поколенческого опыта позволяет преодолевать классовые границы, способствуя расширению и переосмыслению субкультурной идентичности». Классовые различия, однако, не «исчезают» из-за общности возраста. Даже в рамках одного поколения доступ к культурному капиталу, экономические возможности и образовательные траектории остаются глубоко классово дифференцированными. Сам «поколенческий опыт» неоднороден: студент из среднего класса Сеула и молодая работница фабрики в провинции, родившиеся в один год, жили в радикально разных материальных и социальных условиях, и их «общий» исторический фон (модернизация, авторитаризм) преломлялся через призму классового положения. Поколенческая принадлежность может создавать точки соприкосновения и символические ресурсы для культурного обмена, однако различия социально-экономического положения продолжают структурировать доступ к этим ресурсам, формы участия и интерпретации субкультурных практик.

В итоге теория поколений работает в диссертации как зонтик, которым накрывают всё разнообразие молодёжного опыта, а «средние слои» и «студенчество» используются как удобные, но туманные категории, позволяющие уклониться от классовой природы явления. Это тем более странно, что автор сам видит и описывает социально-экономическое расслоение: он говорит о «чэсусэнах», о рабочей молодёжи в Ёндыпхо, о студентах элитных университетов. Более того, собранный автором корпус художественных произведений «молодёжной культуры» буквально

пропитан классовой проблематикой. Героини «Родины звёзд» и «Дней расцвета Ёнчжа» — это дочери крестьян или городской бедноты, вырванные из традиционного уклада и брошенные в рынок труда, где их тело и молодость становятся товаром; их судьба — прямое свидетельство процесса пролетаризации в условиях «сжатой модернизации». Герои «Марша дураков» — провалившиеся «чэсусэны», отчуждённые и от семьи, и от системы; их история — результат жесточайшей конкуренции в образовательной системе, которая сама функционировала как классовый фильтр. Рассказ «Провода» — трагикомедия о семье, которая предельно экономит, чтобы симулировать статус среднего класса, покупая жильё под высоковольтной линией, потому что «на Западе так живут». Эмпирический материал работы прямо и многократно указывает на классовые противоречия как на существенную часть содержательной основы «молодёжной культуры», однако теоретическая рамка, добровольно ограниченная поколенческой оптикой, не позволяет автору их услышать и концептуализировать.

В изложении хронологии развития южнокорейской молодёжной культуры периода Юсин обнаруживается определённая непоследовательность в реконструкции автором динамики взаимодействия между государственной политикой и молодёжной культурой. С одной стороны, автор утверждает, что 1972 год, с введением системы Юсин, стал рубежным моментом, когда начались «полномасштабные репрессии» в отношении молодёжной культуры, сопровождавшиеся систематическими мерами государственного контроля, включая принятие в начале 1973 года поправок к Закону о вещании и нового Закона о кинематографе. С другой стороны, согласно же изложению автора, именно в 1973-1975 гг. происходит «революция в сфере популярной культуры», широкие дебаты о молодёжной культуре 1974 года, а её элементы продолжают сохранять своё присутствие в публичном пространстве, включая телевидение.

В диссертации достаточно подробно описаны содержательные элементы молодёжной культуры периода Юсин (фолк-музыка, молодежные фильмы), однако для более полного понимания масштабов и характера ее распространения представляется полезным в будущих исследованиях уделить внимание немаловажным с точки зрения проблематики культуры данного периода техническим аспектам: доступности носителей музыки (пластинок, кассет), распространению оборудования для их воспроизведения (магнитофонов, проигрывателей), а также инфраструктуре кинопоказа (географическое расположение кинотеатров, цены на билеты и т.п.). Такой анализ представляется важным, поскольку позволил бы точнее определить социальный состав участников молодёжной культуры и выявить региональные различия в её распространении, что особенно актуально для понимания различий между Сеулом и провинциальными городами.

Автор проделал значительную работу по сбору и систематизации информации о малоизученном аспекте южнокорейской истории, включая подробный обзор историографии и анализ ключевых трудов как западных, так и южнокорейских исследователей, однако в диссертации преобладает описательный подход к материалу. При наличии обширной теоретической базы, включающей концепции субкультур, теорию поколений Мангейма и другие подходы, представленные в первой главе, работа недостаточно демонстрирует применение этих теоретических инструментов к анализу конкретных проявлений молодёжной культуры периода Юсин. Автор часто ограничивается пересказом позиций других исследователей и описанием исторических событий, не переходя к интерпретации, которая позволила бы выявить специфику южнокорейской молодёжной культуры как социокультурного феномена, её внутреннюю динамику и реальное влияние на процесс модернизации страны. Более активное использование автором собственной аналитической позиции в сочетании с приведёнными

теоретическими рамками могло бы значительно усилить научную новизну и ценность исследования.

В качестве пожелания для будущих исследований автору можно рекомендовать проследить дальнейшую судьбу известных медийных личностей, политиков и иных деятелей, которые относились к молодёжи в изучаемый период. Выяснение того, к какой именно субкультурной среде они принадлежали в молодости, как этот опыт повлиял на формирование их взглядов и профессиональных траекторий, могло бы стать ценным дополнением к проделанной работе и открыть новые перспективы для изучения долгосрочного воздействия «молодёжной культуры» 1970-х годов на южнокорейское общество.

Вместе с тем, высказанные замечания не снижают общей высокой оценки диссертационного исследования. Работа Старшинова А.С. в целом успешно справляется с поставленной научной задачей и является самостоятельным, завершённым научно-квалификационным трудом. Диссертация обладает несомненной научной новизной, опирается на репрезентативную источниковую базу, включая впервые вводимые в научный оборот материалы, и содержит глубокий анализ историографии. Полученные автором результаты и выводы достоверны, обоснованы и имеют теоретическую и практическую значимость для дальнейших исследований в области всеобщей истории, культурной и социальной истории Кореи.

Диссертация Старшинова А.С. «Южнокорейская «молодёжная культура» в контексте государственной политики периода Юсин (1972–1979 гг.)», представленная на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. — Всеобщая история, полностью соответствует паспорту специальности и отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата исторических наук, соответствует требованиям пп. «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением

Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, а её автор — Старшинов Александр Сергеевич заслуживает присуждения степени кандидата наук по специальности 5.6.2. — Всеобщая история.

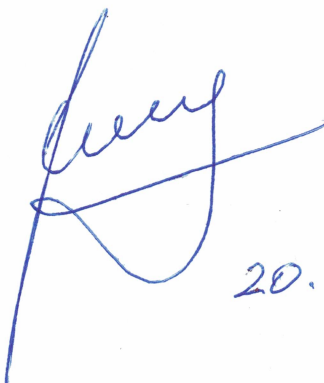
Казарьян Р.Л.,
к.п.н.,
старший научный сотрудник
Отдела Кореи и Монголии,
Института востоковедения РАН

Контактные данные:

107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

+7(495)132-73-53

inf@ivran.ru

20.05.2026

